

От редакции. 18 января 2019 года Ю. В. Линнику исполнилось бы 75 лет. В редакции осталось неопубликованным его философское размышление о языке, которое и представляем нашим читателям.

УДК 165

DOI: 10.15393/uchz.art.2019.281

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Слово – и вещь, знак – и предмет: проблема их соотношения не теряет своей остроты. Амплитуда подходов здесь очень широкая: от абсолютного натурализма, видящего в слове точную кальку действительности, – до абсолютного конвенционализма, наделяющего язык полной автономией. Это крайности. Как известно, они сходятся – между двумя позициями возможна если не дополнительность, то состояние напряженного, эвристически ценного диалога, исключаящего чью бы то ни было монополию. Генезис языка автор связывает с поэзией. Он опирается на традицию, заложенную А. А. Потебней и Г. Г. Шпетом, – дает свое толкование феномена, известного как *внутренняя форма слова*. *Образ, метафора*: показывается их важнейшая роль в словообразовании. Сознвая ограниченность гипотезы *ономатопеи*, автор тем не менее возвращается к ней – пытается внести в нее новые смыслы, расширить ее возможности. Слова могут рождаться спонтанно, самопроизвольно – без жесткой привязки к тем реалиям, которые они обозначают. Отсюда гнезда синонимов. Тем не менее культура искони говорит о *не-случайности* слова. Как если бы оно имплицитно содержалось в самом явлении! Не суть важно, отвечает ли это объективной истине – для автора тут существенна чисто ценностная интенция: слово им рассматривается как эстетическая данность – как ристалище игры – как троп. Пусть это кажимость. Но в сознании культуры слово неотъемлемо от денотата: имеет с ним глубинное – даже если и устанавливаемое *a posteriori* – поэтически импонирующее нам сопряжение. При выделении данного аспекта – конечно же, спорного – возрастает роль субъективного, суггестивного. Но это ведет к обогащению языковой палитры.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, язык и поэзия, ономатопея, образ

ВЛАСТЬ ЯЗЫКА

Феномен языка вышел на первый план в философии XX века. *Раньше*: это что-то служебное – всецело подчиненное пользователю. *Теперь*: это нечто автономное – способное существенно влиять на человека, даже властвовать над ним. Гипотеза лингвистической относительности – *Sapir-Whorf hypothesis* – показала: язык предопределяет картину мира, как бы подводя свои силовые поля под исходные элементы – выстраивает их согласно своим внутренним предустановлениям. В статье Б. Л. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку» мы читаем о том, как индейцы *хопи* воспринимают время:

Наше понятие «продолжительность времени» рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем «время», язык *хопи* не дал никакого способа, содержащего идею «становиться позднее», являющуюся сущностью понятия времени [8: 167].

Войдя в язык *хопи*, мы как бы выпадаем из времени – оно перестает *идти, течь*. Перед нами

нечто *пространственноподобное* – совсем в духе Г. Минковского: четвертое измерение, ничем не отличающееся от трех других, чья статика привычна нам. Уверен, что древнегреческое слово *космос* обладало гипнотической силой – отсекало в сознании эллинов инфинитные представления о Вселенной. В русском языке омонимия *мир* и *мир* настраивает на благостное восприятие бытия. *Призраки рынка* у Ф. Бэкона генерируются языком. Слово *коммунизм* – хоть и антирыночное в своей сути – является несомненным *призраком*. Кто будет отрицать его мощной суггестии? Оно захватывало сонмы людей – и ломало их судьбы, оставляя ни с чем. Подчеркнем: не только идеология, но и обозначающее ее *слово* способно действовать как сигнал или стимул, подчиняя себе энергию масс. *Венский кружок* сделал блистательную попытку освободить нас от власти языка. Это нам едва ли не врождено: если есть слово – то есть и обозначающее им. Я безоговорочно верю в сиринов, единорогов, сфинксов. Язык внушил мне эту веру – и я благодарен ему. Это подсознательное: если названо, поименовано – то должно существовать. Обладая в нашем сознании колоссальным авторитетом, слово ослабляет

в человеке критическое начало – исподволь табуирует сомнения в достоверности передаваемого им смысла. Это остро почувствовали венцы. Есть ли *денотат* у слова Бог? Тут не срабатывают ни верификация, ни фальсификация. *Венский кружок* говорит: подобные *метафизические слова* должны быть удалены из сферы рационального – но за ними оставляется право питать наши нуминозные настроения. Лексика данного типа главенствует в словаре поэзии, украшает ее! Русский язык содержит в себе что-то бунташное, мятежное по отношению к диктату языка. Это выразилось дважды:

1. В фольклорных *небывальщинах* –

Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота.

2. В футуристической *зауми* –

Сиинь соон сийй селле соонг се
Сиинг сеельф сийк сигналль сеель синь
(А. Туфанов. Весна)

Околесица! Ахинья! Язык – смысл – логика: эта связка тут разбивается. Будто слово вырвалось из смиренной рубахи – и ведет себя как хочет, игнорируя все нормы и правила. А. Д. Снявский писал в «Иване-дураке» по поводу *небывальщины*:

От прошлого осталась лишь фикция – принцип соединения слов в слаженную цепь тарабарщины. Как если бы сказка напрашивалась на какой-то скандал или шла на откровенный шантаж [7: 43–44].

Вот будетлянин А. Кручёных:

в позоре бессмысля
жизнь мудреца
дороги голове лысой
цветы поросят

Это эпатаж. Слово эмансипируется – смеется над собственными семемами – кривляется, вольничает, играет. Это великая антиномия: в *тезисе* – мы данники языка, в *антитезисе* – язык творится нами. *Или – или? И – и!* Соединительный союз – не разделительный! – тут отвечает истине.

ОНОМАТОПЕЯ

Со студенческих лет я испытываю большую симпатию к теории *ономатопеи*. Звукоподражание – как один из источников языка: это еще и в эстетическом отношении ценно. Уйма поэзии! Слово закрепило акустические образы природы – охотнее всего нашим пращурам позировали живые существа. Жужжание – кваканье – карканье! Слово тут еще и живописует. Только вместо красок – вибрации воздуха. *Ономатопея* охватывает и живую, и неживую природу. Впрочем, наши пращуры не знали этого разделения – они

одухотворяли все бытие. Конечно же, на генезис языка влияло звучание воды – во всем его широком, воистину полифоническом диапазоне. Прежде всего это вода *проточная, речная*. Или *родниковая*. Иппокрена – и Кастальский ключ: многое они могли подсказать поэтам-языкотворцам. *Журчание – бульканье – плеск*: думается, что соответствующие звуки воды отразились не только в этих *ономатонах*, но и в музыке многих других слов. *ὕδωρ* – вода на древнегреческом. Чудесная первостихия! Она разнообразна в своих акустических ипостасях. Каждая – как своего рода камертон: создает волну для настройки речи – направляет словообразование. *Babble, blob, bubble, flush, gurgle, gush, splash*: так английский язык запечатлел – как бы переписал точь-в-точь – различные водные фонации. *Гидронимы*: несомненно, что это самый древний – и самый загадочный – пласт языка. Чарующие – волхвующие – неизъяснимые названия рек! Часто не удастся выявить их этимологию. Мне мнится: эти названия они подсказывали сами. Подслушать не трудно: каждый перекал говорит на свой манер – всегда вдохновенно и выразительно. Это первичное, исходное. А потому и уходящее от лингвистических интерпретаций – таковые предполагают наличие чего-то предшествующего, более раннего. А тут – предел. *Бия – Кама – Свирь – Катунь – Клязьма!* Даже если здесь и можно докопаться до значений – то все равно: в этих *наречениях* чудится звукоподражательный момент – он исподволь навязывает себя, доминируя в нашем восприятии. *Река – и речь*: не хочу поднимать М. Фасмера – пусть это будет ложная этимология. Но связь двух этих слов – в субъективных измерениях – для меня бесспорна. Ритмы природы – и метрика стиха: тут вероятны глубокие унисоны. М. Волошин пишет:

Я вижу грустные, торжественные сны –
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гексаметры волны.

А вот чудесные слова К. Паустовского (Умолкнувший звук // Избранное. М., 1962. С. 197):

И вдруг мне стало ясно, что слепой Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняя их размеренному шуму прибоя. Самым веским доказательством, что это было действительно так, служила цезура посередине строки. По существу она была не нужна. Гомер ввел ее, точно следуя той остановке, какую волна делает на половине своего наката. Гомер взял гексаметр у моря.

В происхождении слов наверняка имела место *звуковая парейдолия*. Это понятие мы образуем по аналогии: как глаз видит смыслы в хаотических образованиях, так и ухо слышит их, принимая шум. Чего стоит *белый шум!* Из него можно эксплицировать целые словари. Различные *мантики*, строившиеся на звуках – грозы ли, дождя ли, травы ли, – тоже участвовали в сотворении слов. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона

можно прочесть: «Греки и германцы гадали еще по журчанию ручьев, по гулу речных стремнин и водопадов» (Т. 7. СПб., 1892: 774–775). *Онома-топея* – почти *натурализм*. Слово и объект: между ними устанавливается едва ли не буквальное подобие. Это характерно для начальных стадий лингвогенеза? А. А. Потебня правомерно пишет: «...люди стали выдумывать слова, имевшие более отдаленное сходство с предметами» [6: 8]. Это *отдаление* стремительно нарастало. Возникновение слов превратилось в самодовлеющий процесс. Они рождались в свободной игре ума и чувства. Вопрос о прямой привязке к реальности отпал. Слово «*дерево*» не похоже на само дерево. Мы условились – договорились – ударили по рукам: *это* слово обозначает *это*. Современный психоанализ хочет внушить нам, что расщепление на *конвенциональное* и *реальное* – вероятный источник шизофрении. И круче – шизофреники! Тут есть резоны. Однако двойное яви – ее бифуркация на вещный и языковой планы – не вызывает у нас досады. И не причиняет особых неудобств. Мы прекрасно адаптировались к знаково-предметной двуплановости бытия. Вспомним стихи В. Шэфнера:

Мы явленьям, и рекам, и звёздам даем имена,
Для деревьев названья придумали мы, дровосеки,
Но не знает весна, что она и взаправду весна,
И, вбежав в океан, безымянно сплетаются реки.

А если *знают*? И мы не даем имена, а только их подслушиваем? Это чисто поэтическое допущение. Исповедую *лингвистический пантеизм* – сливаю язык и природу. Не хочу никаких синонимов к слову *стрекоза* – меня устраивает звуковой портрет насекомого. Разве ему откажешь в точности? Только *полынь* действительно горчит на моих губах. *Мёд*: он в своем обозначении – и сладкий, и тягучий. Мне бесконечно дороги мысли Л. Витгенштейна о *зеркальности* языка. Цитируем «Логико-философский трактат»:

4. 012. Очевидно, что предложение формы «aRb» мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого [1: 74–76].

Всегда бы так! Это В. Хлебников:

Бобзоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзээ пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Звуки как бы сканируют лик – отражаясь от него, обретают соответствующее оформление. Это акустический отпечаток лика. Физиогномическое перешло в звуковое. Выражаясь математически, скажем так: получилось *взаимно-однозначное соответствие* – абсолютный изоморфизм слова и явления, которое оно

передает. М. Лермонтов писал о звуках неизвестного – скорее всего божественного – происхождения:

Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

Стихи эти – своеобразная *онома-топея*: язык вторит – подражает – гармонии сфер. Настраивал их Бог? Похоже на откровение! Оно исконно дается поэтам.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

В своей книге «Внутренняя форма слова» Г. Г. Шпет пишет о поэтическом произведении: это

продукт некоторого целемерного созидания, т. е. словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей самого творчества, как *sui generis* деятельности сознания. И ничто иное, как эта целемерность, определяет собою поражающие нас единство и цельность [9: 438].

Sui generis – своеобразный, единственный в своем роде. Поэзия *исключительна*. Ее слово – по выражению В. Хлебникова – и впрямь *самовитое*. Если хотите – *самородное, самобытное, самоценное, самодовлеющее, самодостаточное*. Если язык – согласно М. Хайдеггеру – есть *дом бытия*, то поэзия тут – и *домоздатель*, и *домоправитель*. Она работает на бытие! Является самым надежным проводником бытийных энергий! Настоящий поэт – всегда *корнеслов*: глубже всех ныряет в *λόγος* – и высвечивает его *внутреннюю форму*. Это о нем написал Б. Пастернак:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Понятие *внутренняя форма* слова отсылает нас к *этимологии*. Ю. С. Маслов так определяет это феномен:

...сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова [5].

Делались попытки связать *внутреннюю форму слова* с кантовской *схемой* – действительной посредницей между чувственным образом и абстрактным понятием. Г. Г. Шпет охотно пользовался термином *алгоритм* – однако современность наложила на него коннотации, чуждые мысли ученого. Здорово пишет В. П. Зинченко: «...внутренняя конструктивная форма делает

слово глаголом, т. е. действием, даже демиургом» [3]. Именно так! Для себя *внутреннюю форму* слова я связал с *вестигиями* А. Г. Гурвича, создателя теории биологического поля, которая вдохновляла О. Мандельштама:

Существует категория переживаний, которую мы обозначаем как «непосредственное узнавание», т. е. предполагающая существование каких-то вестигий от прежде бывшего «оригинального» аналогичного переживания [2: 109].

Какие *вестигии* полнят наипрекраснейшее слово *колокол*? Тут замечательна интерференция двух моментов:

1. Первенствует ономапоэя с удвоением корня *kol-kol-* – вероятно, восходит к древнеиндийскому *kalakalah* – «шум», «гул» (сравни с хинди: *колахал* – те же значения);

2. На эту формообразующую матрицу накладывается еще и общеславянское *kol* – «коло», «около», «колесо».

Звучание *колокола* радиально – оно порождает *коло*, уходящее за окоём. *Колокол* хорошо смотрится в центре мира – как его и визуальное, и звуковое выделение. Вестигий *окна* – вестимо, *око*. Вестигий *обиды* (обидеть) – *об-вида* (обвидеть = обойти, обнести, обделить). Трудно добраться до скрытых значений. Но поэт чувствует их нутром. И высвечивает для нас:

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло. (Давид Самойлов)

Названия дней недели в русском языке имеют *внутренние формы* – за исключением *субботы*: слово пришло к нам из древнееврейского языка. Компенсацией тут может быть новообретенный внешний ореол – как мы это видим в поэме Николая Клюева «Мать-суббота»:

Слава ковриге, и печи хвала,
Что Голубую Субботу спекла.

Внутренняя форма есть у слова *темница* – но она отсутствует в слове *тюрьма* (из средневерхненемецкого *turt* от старофранцузского *torn*, латинское *turrim*). Однако в *тюрьме* – фонетически – таится *тьма*. *Тюрьма* чреватата *тьмой*! Это ли не компенсация?

В заимствованные слова *внутренняя форма* может внедряться благодаря замечательному механизму *ложной этимологии*. К примеру, *спекулянт* превращается в *скупилянта* – аллитерация работает на семантику. Н. С. Лесков блестяще играет на этом приеме в «Левше»: *мелкоскоп* – *микроскоп*, *студинг* – *пудинг*, *клеветон* – *фельетон*. *Внутренняя форма слова* генетически – сущностно – связана с образной формой мышления. Само бытие *внутренней формы слова* – ее метаморфозы – есть функция поэзии. Это почувствовал гениальный А. А. Потебня. Когда

народ создает язык, то он – его соборная личность – выступает как поэт. Проза идет вторым рядом. *Внутренняя форма слова* – это первозданное, источное в нем. Проявляя *вестигии* – не суть важно, интуитивно или аналитически, – мы как бы пересоздаем слово, творим его вновь. И оно обретает для нас необыкновенную свежесть.

ОТДЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

1. СЛОВОТВОРЧЕСТВО

У каждого слова есть автор. Как правило, нам не дано узнать его имя. Правда, тут есть исключения – скажем, неологизм *бездарь* ввел в оборот И. Северянин. Очень органичное слово! Замечательны *муфтолингвы* В. Мельникова:

– Вчерашпиль мне царапает глазавтра.

– Не каждая заглядевушка может стать головокруженщиной и дожить до неувядамы.

Здесь очень своеобразно работает комбинаторика, похожая на ту, которая задействована в генокоде. *Инверсии* – *делеции* – *кроссинговеры* – *транслокации* – *рекомбинации*: все эти алгоритмы наследственности могут воспроизводиться на языковом уровне. Очевидно, неологизм – это своего рода мутация. Чем старше язык, тем замедленней мутагенез. К. С. Аксаков в «Опыте русской грамматики» (Ч. 1. Вып. 1. М., 1860. С. 3) ностальгировал по эпохе, когда вещи обретали имена:

Тот язык, которым Адам в раю назвал весь мир, был один настоящий для человека; но человек не сохранил первоначального блаженного единства, первоначальной чистоты, для того необходимой.

А. А. Потебня иронизировал по поводу этих слов: «История языка должна быть историей его падения» [6: 11]. Мы знаем, что это не так. Тем не менее *ἀρχή* влечет, манит. *Истина* – *добро* – *красота*: кто впервые произнес эти слова? Как завязались их корни? Откуда выросли? *Ignoramus et ignorabimus!*

2. ГЕНИЙ ЯЗЫКА

Однажды я спросил поэта-полиглота В. Мельникова:

– Что такое *Genius loci*?

Он ответил загадочно:

– *Форма жизни*.

Не слишком понятно – однако эвристично. Это что-то вроде биополя, меняющего напряжение и структуру от места к месту? Или специфический *Дух*, не терпящий единообразия? Очень ярко *Genius loci* проявил себя в стиле модерн. Все варианты специфичны – сразу узнаваемы: английский – французский – испанский – австрийский – финский – русский и т. д. И это при четко выраженной общей основе. Понятие *Гений языка* ввел в 1771 году Вольтер. Родство с *Гением места* вряд ли может вызвать сомнения. Вавилонское столпотворение вызвало замечательную дифференциацию языков. Это работало на

информацию – антагонистку энтропии. Палестинский Талмуд (IV–V век) так распределил между языками их назначения: *греческий* – для пения, *латынь* – для юриспруденции, *сирийский* – для ламентаций, *еврейский* – для молитвы. Спорно? Субъективно? Но что-то тут есть. Мнится, что итальянский язык предрасположен водить певучие хороводы внутри канцон и секстин – тогда как энтелехией английского языка является аналитическая философия. Зыбкое – неуловимое – недоказуемое! Скорее игра, чем всерьез. Но игра, помогающая нам в языковой саморефлексии – и потому весьма значимая для культуры. В русском языке мне чудятся вечевая разногласица – хоровое начало – полифония. Он хорошо подходит для того, чтобы Н. А. Бердяев мог раскрыть свое понимание свободы. Вместе с родным языком мы вроде бы должны получать прививку от тоталитаризма. Тем не менее страдаем от него. Опять-таки: вкупе с языком – который однако первым поднимает мятеж, вовлекая в сопротивление народные массы.

3. СЛОВО «СМЕРТЬ» В ЯЗЫКАХ ПЛАНЕТЫ

Вспомним стихи А. Блока:

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: смерть.

Вот наш выборочный словарь: *Death* – английский. *Mors* – латынь. *Mort* – французский. *Tod* – немецкий. *Surm* – эстонский. *Маh* – армянский. *Марг* – таджикский. Заметим: все слова односложные. В белорусском языке – наряду с близким нам «смерць» – существует абсолютно потрясающий синоним, от которого холодит душу: «скон». Односложность во всех приведенных нами случаях похожа на *последний вздох*. Быть может, перед нами самый ошеломительный случай *ономатопеи* – звуковой образ смерти.

4. СЛОВО-МОНАДА

В стихотворении Б. Пастернака «Август» есть такая строфа:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полёта вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Хочется эти стихи соотнести с мыслями Г. Г. Шпета, высказанными им в книге «Внутренняя форма слова», – речь идет о

признании той онтологической особенности слова, которая присуща и всякому культурному образованию, и которая передается такими «образами», как «микроскоп» и «макроскоп», или «монада», которая отражает (*mirage vivant*) и репрезентирует (*représente*) «универсум». Только при этой предпосылке приобретает свой смысл и оправдание тот, в высшей степени плодотворный, метод исследования, когда вместо анализа сложного и необъятного целого анализируется такой его «член», который, будучи подлинным

«репрезентантом» целого, в своей конечной малости, но в полной конкретной целостности, содержит все существенные и структурные мотивы бесконечно большого [9: 456].

В слове явлен образ мира – слово есть микрокосм – слово репрезентирует Вселенную – часть тут равна целому. И поэт, и философ утверждают бесконечную информационную емкость слова – его неизбежность и неисчерпаемость. Слова – истинные *гомеомерии*. Анаксагоровский принцип «*всё во всём*» вполне применим к ним. Слово-микроскоп обладает ошеломительной способностью *всевмещения*. Самый простой пример этого – *анаграмма*. Комбинируя ограниченное число букв, можно передать множество смыслов.

Лун
нуль
Воз
зов
Чертог
горечь
Днесь
снедь. (Константин Кедров)

Г. Г. Шпет правомерно апеллирует к лейбницева монаде. Прочитируем «Монадологию»:

62. Таким образом, хотя каждая сотворенная монада представляет весь универсум, но отчетливее представляет она то тело, которое собственно с ней связано и энтелехию которого она составляет; и, как это тело вследствие связности всей материи в наполненном пространстве выражает весь универсум, так и душа представляет весь универсум, представляя то тело, какое ей, в частности, принадлежит [4: 424].

Эти положения вполне экстраполируемы на язык. Слово – *голографично, фрактально*. По сути мы выстраиваем синонимический ряд: разные слова обозначают одно и то же – амбивалентность, равновеликость, взаимозаменяемость *большого* и *малого*. Эту диалектику наглядно представляет бриофиллум – любимое растение И.-В. Гёте. Он восхищенно называл его *главным представителем метаморфоза*. А еще – *пантеистическим деревом*.

Bryophyllum calycinum

Почки бриофиллюма, расположенные на краях его листьев, являют из себя микромодель целого. Жизнь устроена рекуррентно. *Бриофиллюм* – как бы наглядная манифестация этого свойства, его метафора. Слову тоже отпущена способность к бесконечной вегетации. Оно витально. Биология слова: это наука будущего. Развитие его напоминает органическую эволюцию. Как и жизнь, оно противостоит энтропии – но добилось больших успехов: обрело бессмертие. И нарушило законы сохранения! Пушкинское «*Я помню чудное мгновенье*» прочитано миллиарды раз – но его энергия не иссякла: будет питать все новые и новые поколе-

ния. Это похоже на *нетварную энергию*. Вот еще один аргумент в пользу сближения Поэта и Бога. Словами можно любоваться по отдельности. Возьмем слово *небо*. Оно само по себе огромное – выпуклое – синее. Слово *волна* колеблется. Слово *звезда* искрится. Конечно, это *синестезия* – накладка на звуки зрительных впечатлений. Связи тут крайне произвольные и субъективные. Но в другой – ценностной – системе отсчета они закономерны. *Горы* – в самом своем *verbum* – вздымаются. *Лес* – внутри своих фонем – шумит. Краше всех – слово *Я*: согласитесь, что оно похоже на точечный фокус, в котором собралось *Всё*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2008. 288 с.
2. Гурвич А. Г. Принципы аналитической биологии и теории клеточных полей. М., 1991. 288 с.
3. Зинченко В. П. Шепот раньше губ, или Что предшествует эксплозии детского языка // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 2–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyjournals.ru/kip/2008/n2/Zinchenko_full.shtml (дата обращения 17.05.2016).
4. Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1982. 636 с.
5. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1998. 272 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/maslov3.htm> (дата обращения 17.05.2016).
6. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
7. Синявский А. Иван-дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 464 с.
8. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003.
9. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 323–478.

Linnik Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NOTES ON PHILOSOPHY OF LANGUAGE

The word is both a thing or a sign and a subject, and the problem of their correlation never loses its sharpness. The amplitude of approaches here is very wide: from absolute naturalism, seeing the word as an exact copy of reality to an absolute conventionalism, giving the language a complete autonomy. These are the extremes. It is well-known that they meet – it is possible to establish an intense and heuristically valuable dialogue (if not complementarity) between two positions, which would exclude the monopoly of any single stance. The author connects the genesis of language with poetry. He relies on the tradition established by Alexander Potebnya and Gustav Shpet, gives his own interpretation of the phenomenon known as the inner form of the word, and emphasizes the major role of an image or a metaphor in word formation. Being aware of the limitations of the onomatopoeia hypothesis, the author nevertheless comes back to it – he tries to bring new meanings into it, and to expand its capacity. Words can be created spontaneously – without rigid connection to the realities they represent. This leads to the existence of synonym clusters. However, since the beginning of time, culture has been telling us about non-randomness of the word, as if it is implicitly contained in the phenomenon! It does not matter whether it is an objective truth – the author values the axiological intention here: he sees the word as aesthetic reality – as a place for games or as a trope. Even if it only seems so. But in the consciousness of culture the word is inseparable from the signified – and their interdependence, even if established a posteriori, makes a poetic impression on us. Accentuating this obviously disputable aspect increases the role of the subjective and the suggestive. But it leads to the enrichment of the language palette.

Key words: internal form of the word, language and poetry, onomatopoeia, image

REFERENCES

1. Wittgenstein L. Logico-philosophical treatise. Moscow, 2008. 288 p. (In Russ.)
2. Gurvich A. G. Principles of analytical biology and of theory of cellular fields. Moscow, 1991. 288 c. (In Russ.)
3. Zinchenko V. P. The whisper born before the lips, or what preceded the explosion of children's language. *Cultural-historical psychology*. 2008. No 2. P. 2–18. Available at: http://psyjournals.ru/kip/2008/n2/Zinchenko_full.shtml (accessed 17.05.2016). (In Russ.)
4. Leibniz G. W. Collected works in four volumes. Vol. 1. Moscow, 1982. 636 p. (In Russ.)
5. Maslov Yu. S. Introduction to linguistics. Moscow, 1998. 272 p. Available at: <http://philologos.narod.ru/ling/maslov3.htm> (accessed 17.05.2016). (In Russ.)
6. Potebnya A. A. Thought and language. Moscow, 1999. 300 p. (In Russ.)
7. Sinyavsky A. Ivan the Fool: essay on Russian folk belief. Moscow, 2001. 464 p. (In Russ.)
8. Whorf B. L. The relation of habitual thought and behavior to language. *Languages as the image of the world*. Moscow, St. Petersburg, 2003. 568 p. (In Russ.)
9. Shpet G. G. The internal form of the word. *Art as a form of knowledge. Selected works on philosophy of culture*. Moscow, 2007. P. 323–478. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.05.2016